

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'22

ТЕРМИНЫ И ОСКОРБЛЕНИЕ: О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

О. Б. Власова

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Статья посвящена анализу некоторых дискуссионных вопросов, возникающих при установлении факта оскорбления. В центре внимания автора многозначные слова с терминологическими и инвективными лексико-семантическими вариантами, правомерность применения к таким терминам определений «оскорбительный», «неэтичный», а также допустимость их эвфемистической замены.

Ключевые слова: термин, оскорбление, честь, достоинство, инвективы, эвфемизм.

Каждое слово языка вступает в смысловые связи с другими словами. У одних слов валентность относительно широкая, к примеру, *письменным* может быть *стол*, *ответ*, *отзыв*, *принадлежность*, *работа* и т. д. У других – ограниченная, например, *утлым* можно назвать только *челнок*. Слово *термин* обладает широкими смысловыми связями: *научный*, *химический*, *философский*, *(не)точный*, *(не)удачный*, *устаревший*, *(не)корректный* и т. д. В последнее время это слово часто получает определения *неэтичный* и *оскорбительный*. Например: «Фонд “Обнаженные сердца” и я лично (Н. Водянова. – О. В.) возмущены появлением на Первом канале программы Елены Малышевой с темой – дословно – “Откуда берутся кретины”. Мы считаем этически недопустимым использование *устаревшей терминологии, содержащей оскорбительные для человека формулировки*”, – сообщила Водянова ТАСС.

По ее словам, появление подобной программы на популярном телеканале “отбрасывает” на несколько десятков лет назад, когда любые особенности развития в стране были стигматизированы, а люди с ними не имели шанса на полноценную жизнь. Она отметила, что сегодня ни одна медицинская классификация, включая классификации, которые обязательны к использованию в России, не содержит *оскорбительных терминов*. <...> ...подчеркнула, что особенно важно избегать использования *некорректных терминов*. <Таким образом> мы уменьшаем негативные ассоциации, связанные с различными нарушениями”, – добавила Водянова» [16].

Возмущенную реакцию Н. Водяновой вызвало высказывания телеведущей, которая в своей телепрограмме назвала детей с умственной отсталостью *кретинами*:

«Ранее ведущая телепрограммы “Жить здорово!” на Первом канале Елена Малышева назвала детей с умственной отсталостью *кретинами*. По ее мнению, слово “кретин” является медицинским, “это диагноз, определяющий степень умственной отсталости”.

Ведущая предложила обсудить в ходе передачи тему “Откуда берутся дети-кретины?” Также в заставке программы появляется надпись “Мой ребенок – идиот”» [Там же].

Данная дискуссия вызывает много вопросов, требующих лингвистического комментария, и в частности: какие формулировки можно считать оскорбительными? где границы этически допустимого при наименовании медицинских проблем? применимы ли к термину определения понятие *оскорбительный* и *неэтичный*? являются ли термины *кретин* и *идиот* оскорбительными?

Все эти вопросы объединяются вокруг понятия «оскорбление».

В популярном и общедоступном словаре С.И. Ожегова слово *оскорбление* определяется на первый взгляд исчерпывающе: 1) оскорбить, 2) оскорбляющие поступки, оскорбляющие слова [13]. Однако, во-первых, практически любое слово на русском языке можно произнести так, чтобы оно прозвучало как оскорбление. Достаточно вспомнить, например, употребление имени без отчества или выбор уменьшительной формы имени в той ситуации, когда адресат рассчитывает на более уважительное обращение. То же самое можно сказать, если речь идет не о слове, а о целой фразе, например:

Роза Марковна поздравляет подругу с днем рождения.

– Ну что тебе пожелать, Софочка?! Красоты тебе... Любви тебе... Мужа богатого... Ума побольше... А все остальное у тебя уже есть!

Само по себе пожелание красоты, любви, ума тоже может иметь пресуппозиционные компоненты отсутствия того, что перечисляется в пожелании. Однако такие формулировки привычны и нареканий обычно не вызывают. Если же высказывание оказывается в одном контексте с фразой *А все остальное у тебя уже есть*, его негативный подтекст многократно усиливается, и высказывание приобретает оскорбительный характер.

Помимо этого, оскорбляющий характер слова и поступка – явление во многом не лингвистическое, а психологическое, устанавливаемое, по сути, только по ощущениям адресата. Именно о реакции адресата говорит и внутренняя форма слова *оскорбление* с отчетливо осознаваемым корнем *скорбь*, отражающим лишь чувства обиженного. Оскорбить – буквально вызвать скорбь, причинить боль, нанести обиду.

Вина говорящего, то есть указание на то, что было сделано или сказано обидчиком, в слове никак не зафиксирована. Более того, её может вообще не быть. Не секрет, что из-за ассоциативных связей и пресуппозиционных смыслов фраза, в которую вообще не вкладывалось никакого негативного посыла, может быть воспринята как оскорбительная, если касается болезненной для адресата темы.

Например, выражение *Как ты хорошо сегодня выглядишь*, особенно с акцентом на слове *сегодня*, может быть интерпретировано как насмешка над внешностью, прической, манерой одеваться и т. п., как указание на то, что ранее адресат выглядел совсем не так хорошо. Интерпретированное таким образом, высказывание причиняет боль адресату, стало быть, вопреки изначальному коммуникативному замыслу адресанта, попытавшегося сделать комплимент, приобретает оскорбительный для адресата характер.

Именно эта размытость предметно-понятийной отнесенности слова *оскорбление*, с одной стороны [3], и иски по защите чести и достоинства, с другой, привели к необходимости разграничить бытовое и юридическое оскорбление.

С юридической точки зрения, *оскорбление* – уголовно-правовая квалификация правонарушения, совершаемого посредством слова. При оскорблении уни-

жение чести и достоинства выражается в отрицательной оценке личности, подрывающей её престиж в глазах окружающих и наносящей ущерб уважению к самому себе [2]. Ответственность за оскорбление с 2012 года в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 N 420-ФЗ предусмотрена Статьей 5.61 КОАП РФ [17].

У юридического оскорбления, как известно, три признака: адресат, неприличная форма и инвективная лексика, то есть слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме [15]. Классификация инвективной лексики разработана Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) [11, с. 29].

Данная классификация время от времени уточняется, дорабатывается, расширяется [3]. Однако, что касается слов *идиот* со значением ‘дурак, глупый человек, тупица (разг. бран.)’ [1] и *кретин* ‘перен. разг. Глупый, тупой человек’ [4], то в число инвектив они попадают безусловно, поскольку соответствует описанию шестого разряда инвективной литературной лексики, то есть являются словами, которые не называют конкретных действий человека и не дают им определения, но выносят ему на основании этих действий однозначную негативную, причем весьма экспрессивную оценку. Инвективы этой группы (*дурак, дура, гнусный, мерзавец, подлец, подонок, мразь*) имеют разговорный характер [3].

Тем не менее вывод об инвективном характере слов *идиот* и *кретин* нуждается в уточнении. Дело в том, что эти существительные – слова многозначные. Согласно словарю Д.Н. Ушакова [1], слово *идиот* имеет два значения: 1) человек, страдающий слабоумием, идиотизмом (мед.); 2) дурак, глупый человек, тупица (разг. бран.).

В первом случае это медицинский термин, связанный с синонимичными терминами *идиотия* ‘наиболее тяжелая форма врожденного психического недоразвития’ [4] и *идиотизм* ‘то же, что: идиотия’ [Там же]. Иначе говоря, с медицинской точки зрения, *идиот* – человек, страдающей *идиотией* – самой тяжелой степенью олигофрении, то есть умственной отсталости. Пациенты с идиотией не способны к осмысленным действиям, могут произносить лишь нечленораздельные звуки, не понимают обращенной к ним речи, не различают посторонних людей и родственников [9]. Бранным, таким образом, является не все слово *идиот*, а только его второй лексико-семантический вариант.

То же самое можно сказать и о слове *кретин*, среди двух значений которого только второе является бранным. В словаре Ушакова значение существительного *кретин* толкуется так: 1) человек, страдающий кретинизмом; 2) перен. Тупоумный человек, идиот (бран.) [1]. Первое значение является терминологическим, связанным по смыслу со значением термина *кретинизм* («болезнь, характеризующаяся задержкой физического и психического развития в связи с нарушением функции щитовидной железы») [4].

Подобная частичная инвективность, то есть инвективный характер не слова в целом, а только одного лексико-семантического варианта, присуща многим словам с развившимся переносным бранным значением.

Например, существительное *палач* в первом значении – наименование профессии: «лицо, которое приводит в исполнение приговор к смертной казни через повешение, отсечение головы, а также производит по приговору тяжелые телесные

наказания» [Там же]. Во втором и третьем значениях слово *палач* – инвектива, относящаяся в третьему разряду литературной оскорбительной лексики, объединяющем в себе названия профессий, употребляемых в переносном значении: «перен. Жестокый мучитель, угнетатель»; «перен. Притеснитель, губитель» [Там же].

Существительное *козел* в первом значении – наименование животного: «самец козы», во втором – зоосемантическая метафора; инвектива четвертого разряда литературной лексики: «перен. разг. сниж. Упрямый, неприятный в общении человек» [Там же].

В список инвектив попадает, таким образом, не все слово, а лишь его лексико-семантический вариант. Точно так же и при обсуждении диагноза используется не слово в целом, а одно из его значений.

В программе Е. Малышевой, претендующей на научно-популярное освещение медицинских проблем, слова *идиот* и *кретин* использовались как медицинские термины в словарных значениях: *идиот* – «человек, страдающий слабоумием, идиотизмом (мед.)» [1], *кретин* – «человек, страдающий кретинизмом» [Там же], болезнью, «характеризующейся задержкой физического и психического развития в связи с нарушением функции щитовидной железы» [4]. Поэтому ничего оскорбительного в этих словоупотреблениях нет и быть не может.

Что касается шлейфа негативных ассоциаций, то он по вполне понятным причинам за этими терминами тянется со времен Древней Греции. Согласно словарю Ушакова [1], слово *идиот* происходит от греческого *idiotes* – невежда, неуч, букв. отдельный, частный человек. Первоначально это слово не имело ничего общего с психическим недугом, однако, используя для называния людей необразованных, недалеких, неразвитых глупых, бездарных, слово приобрело негативные коннотации и развило бранное значение [9].

Подобный ассоциативный шлейф есть у многих слов, созвучных бранным или неблагозвучным словам, например, у географических названий (река *Вобля*), у фамилий (*Бляхер*, *Гад*, *Пона*).

Если ассоциации случайны и немотивированны, то они возникают, когда человек впервые слышит слово, и рассеиваются, когда слово становится привычным. Так, маленькие дети, приступившие к изучению английского, смеются и перемигиваются, услышав английское числительное *three*, а потом привыкают и перестают. Каждое новое поколение проходит этот путь заново.

Если ассоциации мотивированы бранным значением слова, вопрос решается по-разному.

Медики, которые регулярно используют неблагозвучные, на взгляд обывателя, термины в профессиональной коммуникации, в силу привычки не ощущают негативных коннотаций. Кроме того, они, как правило, воспринимают болезнь, названную термином, как бы извне, со стороны, не проецируя её на себя и своих близких.

Реакция людей, находящихся внутри проблемы, на вызывающее негативные ассоциации наименование близких ему людей, обычно более эмоциональна, именно такую реакцию демонстрирует Н. Водянова [16].

Чтобы избежать конфликтов и неудач в общении, не испытывать и не создавать чувство коммуникативного дискомфорта [8, с. 391] а также преуменьшить опасность, исходящую от объекта [Там же, с. 392], предусмотрительные адресанты в межличностных и социальных отношениях активно используют эвфемизмы.

Именно этим путем идут близкие тех детей, которым посвятила передачу Е. Малышева, а также те, кто часто сталкивается с такими семьями. Например:

«Крайне важно научиться видеть человека с его уникальными особенностями и потребностями, а только потом его диагноз или состояние. Это помогает помнить о том, что люди с нарушениями развития имеют такие же права – жить в семье, учиться, отдыхать, работать, заниматься любимыми делами, как и все остальные люди» [16].

Болезненность темы, острота общественной реакции нередко побуждает переходить на язык эвфемизмов и самих медиков и психологов, например: «Предложив проплакать свои очередные переживания и высказав своё убеждение в том, что рыдание – неотъемлемое право каждой аутентичной личности, Психолог доверительно сообщает, что наука считает эти особенности характера нормой, а называется в науке это безобразие, простите, ваш тип – “лабильный тип с истероидными чертами”. Нет. Поскольку он гуманист, клиенту для мягкости он сформулирует это как “чуткий” и “артист”» [5].

Традиция избегать слов, прямо называющих неприятное, неэстетичное, неприличное, непрестижное, страшное или опасное существует давно. Эвфемизмами прикрывают некоторые физиологические процессы, например: *эти дни, критические дни, недомогание* и т. д.; части тела телесного низа: *прибор, палка, колбаса* и т. д.; отношения между полами, например: *находиться в близких отношениях, У нас ничего не было*.

К эвфемизмам прибегают, если речь заходит о болезни, смерти, например: «На целый ряд слов и понятий в воровской речи накладывается “табу” – запрещение. Эвфемизмами “опасных” понятий служат обычно грубо-фамильярные названия, подчеркивающие бодрое и насмешливо-презрительное отношение к ним. Например, вместо: “смерть” говорят: “Загиб Иваныч”, “Загиб Петров”, “курносая” и др. <...> вместо “умереть” – сыграть в ящик, забуреть, загнуться и др.» [12, с. 67].

О репрессиях и насилии, например: «...**физическое уничтожение** стало способом устранения конкурентов, раздела зон влияния, борьбы за контрольный пакет акций или за кресло генерального директора комбината, президента фирмы, руководителя преступной группировки, депутата и т. д. и т. п. В силу распространённости явления само слово и его многочисленные синонимы прочно вошли в повседневный речевой оборот. “Пришить”, “замочить”, “грохнуть” просочились из уголовного словаря, “ликвидировать”, “устранить”, “списать”, “терминировать” – из лексикона специальных служб. Несомненно, вторая группа терминов гораздо приличнее. Согласитесь, что нейтральное словосочетание **острая акция** звучит куда пристойнее и благозвучнее, чем название одного из страшнейших библейских грехов – **убийства**. И успешно прижившееся на российской земле иноземное словцо **киллер** не в пример благороднее, чем “мокрушник” или “профессиональный убийца”» [7, с. 184].

Сложилась устойчивая традиция прикрывать, маскировать, камуфлировать эвфемизмами непрестижность некоторых профессий: *оператор машинного доения, оператор на бойне (забойщик скота), оператор очистных работ (ассенизатор), оператор для работы на машине в зале (уборщица в метро), контролёр (надзиратель)*. Поэтому тот, кто стесняется своей профессии или предпочитает не думать о неприглядных сторонах жизни, будет умалчивать о ней («Джерри Гивенс 25 лет прослужил в системе управления тюрем штата Вирджиния, из них 17 – палачом. Он 62 раза казнил людей – электротокком или впрыскиванием яда. Но никто, включая ближайших родственников, не знал, чем Джерри зарабатывал на жизнь» [18]) или

пользоваться камуфлирующим названием: вместо *палач – исполнитель, работник системы исполнения наказаний, лицо, приводящее в исполнение приговор о смертной казни или телесном наказании* [14].

Мясник, в отличие от палача, – профессия уважаемая: «Мясник – не просто уважаемая, но и одна из древнейших профессий. С момента одомашнивания коровы, свиньи или птицы люди занимаются разделкой мяса. Первая гильдия мясников появилась в Англии в 1272 году. Пока люди продолжают есть мясо, вряд ли эта профессия канет в небытие» [6]. Однако и для нее по понятным причинам существуют камуфлирующие наименования, например: *работник мясокомбината, специалист по разделке мяса*, этой же цели во многом служат названий узких специалистов – *обвальщики, жиловщики* [Там же].

Эта словесная эквилибристика нацелена на то, чтобы снять коммуникативный и психологический дискомфорт, предотвратить конфликт, что само по себе оправданно и целесообразно во многих случаях.

Выбирая этот путь, надо лишь понимать, что, во-первых, камуфлирующий эффект эвфемизма недолговечен. Эвфемизм очень быстро теряет свои свойства и перестает скрывать то, что скрывать был призван. Суть проблемы не меняется от её переименования. Иначе говоря, даже если использовать по отношению к себе выражение *работник клининговой компании* и *оператор для работы на машине в зале*, уборщицей быть не перестанешь и никого в заблуждение относительно своего занятия не введешь.

Более того, как указывал Б.А. Ларин, «существенным условием действенности эвфемизма является наличие “негрубого”, недопустимого эквивалента. Как только это подразумеваемое неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие свойства», т.к. переходит в разряд прямых наименований, и тогда требует новой подмены [10, с. 120]. Другими словами, вытеснив собой термины *идиот* и *кретин*, выражение *люди с нарушениями развития* займет их место и точно так же будет восприниматься как пощечина общественному вкусу.

В-третьих, использование эвфемизма наносит ущерб точности речи.

Термин традиционно определяется как слово или словосочетание, являющееся названием строго определенного понятия. Обвинения в некорректности («Особенно важно избегать использования **некорректных терминов**. <Таким образом> мы уменьшаем негативные ассоциации, связанные с различными нарушениями» [16]) термин если и заслуживает, то лишь в случае нарушения принципа точности.

В этом смысле камуфлирующее наименование, призванное, в отличие от термина, не столько назвать явление, сколько замаскировать его неприглядную сторону, куда как более заслуживает упрека в некорректности, чем термин.

Поэтому эвфемистические наименования, по понятным причинам давно и прочно занявшие свое место при обсуждении социальных и межличностных проблем, не должны подменять собой термины, если речь идет о медицине. В этом случае стоит думать не о названии, а о точной и оперативной диагностике, своевременном лечении, а также о профилактике. Профилактика же, как представляется, может быть гораздо эффективнее, если заинтересованные лица будут представлять риски, а не предаваться иллюзиям, порожденными эвфемизмами, заменившими прямой термин, точно и однозначно именующий понятие и определяющий его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы.

Список литературы

1. Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс] // Академик. URL: <https://books.academic.ru/book.nsf/62882828/Большой+толковый+словарь+русского+языка%3A+Около+60+000+слов> (дата обращения: 22.08.2019).
2. Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] // StudFiles. URL: <https://studfiles.net/preview/3302636/> (дата обращения: 22.08.2019).
3. Власова О. Б. И снова об оскорблении // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 3. С. 108–114.
4. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа: Рус. яз., 2000. 1233 с.
5. Козлов Н. И. Философские сказки для обдумывающих жизнь, или Веселая книга о свободе и нравственности. М.: Новая школа, 1997. 428 с.
6. Кокусева Т. Профессия: мясник [Электронный ресурс] // Работа в России. URL: https://rjob.ru/articles/professiya_myasnik/ (дата обращения: 22.08.2019).
7. Корецкий Д. А. Антикиллер 2. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 414 с.
8. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. 1985–1995. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 384–408.
9. Кто такой идиот? [Электронный ресурс] // Elhow. URL: https://elhow.ru/ucheba/opredelenija/ij/kto-takoj-idiot?utm_source=users&utm_medium=ct&utm_campaign=ct (дата обращения: 25.06 2019).
10. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: сборник статей, посвящ. 75-летию акад. И. И. Мещанинова. Л.: Ленингр. ун-т, 1961. С. 101–114.
11. Леонтьев А. А., Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Сорокин Ю. А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М.: Фонд защиты гласности, 1997. 128 с.
12. Лихачёв Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Лихачёв Д. С. Статьи ранних лет. Тверь: Тверское обл. отд. Рос. фонда культуры, 1993. С. 54–95.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
14. Палач [Электронный ресурс] // Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Палач (дата обращения: 25.06 2019).
15. Стернин И. А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) [Электронный ресурс] // Стернин И. А. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Lingvokriminalistika/Lingvokriminalistika_Izbrannye_stati_2006-2012.pdf (дата обращения: 25.06 2019).
16. Счастливая Н. Водянова назвала слова Малышевой о детях этически недопустимыми – как Вам? // Большой вопрос.ru. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3286107-vodjanova-nazvala-slova-malyshevoj-o-detjah-eticheski-nedopustimymi--kak-vam.html> (дата обращения: 25.06 2019).
17. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2012. 192 с.
18. Шлеймович Э., Рейдер М. Профессия: палач [Электронный ресурс] // Детали. URL: <http://detaly.co.il/professiya-palach/> (дата обращения: 25.06 2019).

TERMS AND INSULT: ABOUT CORRELATION OF CONCEPTS

O. B. Vlasova

Tver State University
the Russian Language Department

The article is devoted to the analysis of some controversial issues arising from the establishment of the fact of insult. The author focuses on polysemous words with invective terminological and lexical-semantic variants, the legitimacy of the use of such terms in definitions of “abusive”, “unethical”, as well as the acceptability of their euphemistic replacements.

Keywords: *term, insult, honor, dignity, invective, euphemism.*

Об авторе:

ВЛАСОВА Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: o_vl@bk.ru.

About the author:

VLASOVA Olga Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: o_vl@bk.ru.